

VOLKOGONOV COLLECTION

ARCHIVE OF THE PRESIDENT OF
THE RUSSIAN FEDERATION (MRF)

Box _____ Folder _____

Папка № 20.

- Без даты. ^{с.а.} [1924]

Воспоминания Н.Крупской о последних погода жизни Ленина.

Ф.3, оп.22, д.307. (СЕКРЕТ)

Совершенно
секретно

Не для печати
Н.К.

ПОСЛЕДНИЕ ПОЛГОДА ЖИЗНИ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА.

Последняя болезнь В.И. разразилась 9-го марта 1923 года, она выразилась в потере речи, в усилении паралича правой руки и ноги, захватила отчасти и левую сторону - В.И. долгое время не мог правильно направлять действия левой руки. Болезнь распадается на два периода. В первый период, продолжавшийся до июля, шло еще ухудшение. Этот период связан с тяжелыми физическими страданиями и тяжелыми нервными возбуждениями, в июле было желудочное заболевание с повышением температуры. С этого момента, после некоторого времени большой слабости, началось непрерывное улучшение, хотя и очень медленное, которое было прервано лишь смертью.

Первый период был очень тяжел - больного нельзя было оставить ни на минуту одного, при нем постоянно была сестра, к нему постоянно входил дежурный врач, были непрерывные консультации. Сестры были очень хорошие - опытные, внимательные, заботливые - одна из сестер, Екатерина Ивановна Ромина, была та-же, которая ухаживала за В.И. в 1918 г., когда его ранили и к которой он всегда очень хорошо относился. Врачи делали все, что могли, но положение было отчаянное. Об этом первом периоде В.И. старался впоследствии не вспоминать - не ходил в ту комнату, где он лежал, не ходил на тот балкон, куда его выносили первые месяцы, старался не встречаться с сестрами и теми врачами, которые за ним тогда ухаживали. В этот первый период вопрос шел главным образом о спасении жизни.

14272

2.-

Во второй период - с июля - шло выздоровление. Прекратились всякие боли, явился нормальный крепкий сон, вошел в норму желудок, стала правильнее работать левая рука, явилась возможность не только сидеть, но и ходить, сначала, опираясь на санитаря, потом самостоятельно с палочкой, стала улучшаться речь, и, в связи с этим, совершенно изменилось настроение. В.И. много шутил, смеялся, даже напевал иногда "Интернационал", червонный штандар, в долине Дагестана.

Ильич у нас в июле сбежал. Жили мы в большом доме, а рядом во флигеле жил управляющий оовховом, старший партийный товарищ, бывший рабочий, которого Ильич знал с 1891 года еще по Самаре, Алексей Андреевич Преображенский. Вывезли мы Ильича на прогулку, устроились в беседке около флигеля. Услышал Ильич, что во флигеле теперь живет Алексей Андреевич, и рванулся туда. Помогли ему взобраться по лестнице, крепко обнял он Преображенского, сел около него и стал говорить. У того большое сердце, побелел он весь, губы трясутся, а Ильич все говорит, рассказывает про переживаемое. Слов у Ильича не было, мог только говорить "вот", "что", "идите", но была богатейшая интонация, передававшая все малейшие оттенки мысли, была богатейшая мимика. И мы, окружающие, Мария Ильинишна, я, санитары, все больше и больше понимали Ильича. Не только Богородские рабочие, с которыми виделся Владимир Ильич, ушли, уверенные, что он говорит, и специалист по восстановлению речи, следивший последнее время за занятиями В.И., говорил за пару дней до смерти В.И.: "он непременно будет говорить, при такой степени сознательности не может человек не говорить, этого не бывает, он в сущности уже говорит, у него нет только памяти на словесные образы слов".

И вот Ильич, ушедший от врачей, сестер милосердия, от больничного режима, сидел около Преображенского и говорил. Пробыл он там три дня. Когда я приходила туда, он говорил, что и нам с Марией Ильинишной тоже надо перебраться во флигель, еле удалось его убедить вернуться. Уговорили только тем, что сказали, что Преображенский болен, что мы стесняем его и его семью.

В большом доме мы устроили В.И. так, как он хотел, в той комнате, в которой он жил раньше, до болезни - самой скромной во всем доме - сняли со стен картины, поставили ширму, поставили кресло, столик. Комната и теперь стоит так, как была. Кресло стояло против окна, а из окна было видно село "Горки". Как-то раз (кажется в декабре 1920 года) Ильич был в Горках. В самую большую избу набились все хозяева деревни, негде было яблоку упасть, Ильич делал доклад, а после долго беседовал с собравшимися. Заботился он потом о том, чтобы провели электричество в Горки (что и было сделано), чтобы давали крестьянам семена, рассаду, машины.

Последние месяцы Владимир Ильич любил, когда он сидит и занимается, чтобы были у него перед глазами Горки.

Во вторник 31-го июля, последний раз у него было возбуждение. Потребовал он, чтобы не ходили к нему больше врачи - потом пускал к себе еще некоторое время проф. Осипова, но разговоры о болезни не допускались. На В.Н. Рованова и Ф.А. Гетье, лечивших его раньше, он смотрел, не как на врачей, а как на добрых знакомых. Не как на доктора, а как на товарища, смотрел он на Вл. Алекс. Обуха. Последние месяцы врачи наблюдали В.И. лишь из осадной комнаты. Стал он тяготиться и сестрами милосердия - и хоть сдерживался, но видно было, что их присутствие ему тяжело.

В конце концов ухаживающий персонал свелся к трем санитарам: Николаю Семеновичу Попову, только что окончившему молодому врачу - он же делал В.И. и массаж правой руки, - Владимиру Александровичу Рукавишникову и Зорьке, студентам старшего курса. Все это была партийная публика, бесконечно преданная Владимиру Ильичу, старшаяся угадать каждое его желание, с глубоким волнением следившая за ходом его болезни. Владимир Ильич не мог не чувствовать этого и горячо к ним привязался. У него светлело лицо, когда они входили в комнату, он шутил и смеялся с ними. Они внесли в нашу жизнь молодую жизнерадостность и создали в значительной мере ту атмосферу уверенности в выздоровлении и спокойствия, которая облегчила В.И. последние месяцы существования. По саду возил В.И. в кресле и ездил с ним на охоту ведущий охраной Петр Петрович Папан. Для него В.И. тоже был дорог. Уже с 22 года Петр Петрович всегда сопровождал В.И. во время прогулок, ни на шаг не отставая от него, исполнял все его желания. Во время последней болезни он особенно заботливо и внимательно относился к В.И. Но и все другие - стряпавшая для В.И. латышка, прислуживавшая за столом работница с фабрики Мосшвей, А.Смирнова, товарищи шоферы, товарищи из охраны, монтер - тов.Хабаров - все жили мыслью, как бы сделать В.И. все лучше. И он чувствовал, не мог не чувствовать этого. Он любил, когда я рассказывала ему что-либо об окружающих - о санитарях, о Смирновой, о Петре Петровиче. Мария Ильинична заботилась не только о В.И., но и о всех окружающих его.

Во вторник 31-го июля, когда у В.И. было возбуждение, я была в Москве, на другое утро он рассказывал мне, что дело иметь с врачами бесполезно, так как все равно вылечить они не

Б.-

в состоянии - ходить не может, руки не действуют, речи нет. К этому времени у меня явилась надежда на выздоровление. Я рассказала В.И., как умела, почему я думаю, что он выздоровеет. И говорили мы еще о том, что надо запастись терпением, что надо смотреть на эту болезнь все равно, как на тюремное заключение. Помню, Екатерина Ивановна, сестра милосердия возмутилась этим моим сравнением - "ну, что пустяки говорите, какая это тюрьма". Я говорила о тюрьме вот почему. Помнила я, как сидел В.И. в 1895 году в тюрьме. Он развил там колоссальную энергию. Кроме того, что он в тюрьме работал - подбирал и обрабатывал материалы к своей книжке "Развитие капитализма в России", писал листки, написал нелегальную брошюру "О стачках", руководил из тюрьмы работой организации - он связался и с товарищами по тюрьме, завел с ними обширную переписку (письма писались молоком и лимонном в книжках между строк), бодростью и заботой о товарищах днало каждое его письмо..." Затыкайте фортку тряпкой, чтобы не дуло..." надо позаботиться о том-то, тому-то нужна такая-то книжка и т.д. и т.п.

В 1914 году В.И. арестовали в Галиции по подозрению в том, что он русский шпион. Арестовали и посадили в местную тюрьму в местечке "Новый Тарг". Очутился он вместе с сидевшими там раньше "преступниками". Большинство было темных забитых крестьян - кто не выполнил каких-то формальностей, у кого документы оказались не в порядке, кто каких-то налогов не внес. Сидели там и местные протестанты, имевшие мужество восставать против сильных и подведенные теми под тюрьму. И в их среду внес В.И. бодрость. Во время свиданий он передавал: надо найти защитника для такого-то, позаботиться о семье такого-то... Он писал им

воявления, растолковывал, что надо делать. "Бычий хлопок" - прозвали его сидевшие в тюрьме крестьяне, т.е. крепкий сильный.

Потому-то я и говорила Вл.Ильичу, что болезнь надо рассматривать, как тюрьму, когда человек поневоле на время выпадает из работы.

И Вл.Ильич переносил свою болезнь также бодро, как раньше он переносил тюрьму. Был и тут таким-же "бычьим хлопцем".

Как в тюрьме, В.И. все время заботился о других, смотрел, есть-ли валенки у санитаров, когда кто из них приезжал, спрашивал покормили-ли их. Раз Мария Ильинишна была в Москве, приехал Николай Семенович, и я не позаботилась, чтобы его тотчас покормили. В.И. потребовал, чтобы его подвезли к буфету, вынул оттуда масло, сыр, хлеб, поставил Николаю Семеновичу и потом укорительно качал головой "что-же, мол, не позаботилась". Как заботливо угощал он В.Шумкина, старого партийного товарища, рабочего, приезжавшего к нам в Краков за литературой и живущего теперь в Горках. Как заботился он о сапожнике, делавшем ему специальные сапоги и приезжавшем для примерки.

Когда ездил на прогулку за пределы сада, В.И. особенно как-то старательно кланялся встречавшимся крестьянам, рабочим, малярам, красившим в совхозе крышу. И к детям был внимателен и ласков В.И. Когда осенью жил у нас племянник В.И. - Витя, шестилетний мальчик, с товарищем Лешей Павловым, какими ласковыми глазами следил Ильич за ребятами, внимательно прислушивался к их детской болтовне, ласково смеялся, смотрел, как слушают они сказки, заботился, чтобы ничем их не стесняли.

Вл.Ил. не любил, когда его "развлекали", тяготился этим. Но, если видел, что это доставляет удовольствие другим - охотно шел на это. Так было с грибами, с кинематографом, со стереоскопом.

Та форма болезни, которая была у В.И., допускала восстановление речи. Быстрота и полнота этого восстановления зависят в очень сильной степени от того, насколько человек способен к упорному труду над собой, насколько систематически, неустанно может он работать. Не имеям дело с такого рода больными трудно себе представить, какой колоссальный труд - завоевание способности речи, тут приходится бороться с рядом неслыханных трудностей, о которых здоровый обычно и понятия не имеет. У В.И. была та форма потери речи, при которой сохранено полное понимание чужой речи, понимание читаемого про себя, но утрачена способность говорить, читать вслух и писать.

Врачи, наблюдавшие Вл. Ильича, констатировали у него необычайную силу воли, инициативу, выдержку, систематичность в работе. Они считали, что налицо все данные за то, что у него восстановится речь, одновременно восстановилось бы и чтение вслух и письмо.

В среду, 1-го августа, я рассказала В.И. как обстоит дело с речью и предложила ему заниматься с ним. И вот мы занимались с ним изо дня в день, вплоть до 21-го января, до дня смерти. Пропустили лишь два раза - раз, когда ездил В.И. в Москву, другой, - когда после утра, проведенного на охоте, он очень устал и ему нездоровилось. Во время занятий В.И. очень увлекался и радовался каждому завоеванию. Еще за неделю до смерти, в воскресенье, он страшно был рад, что преодолел одну трудность в письме. Улучшение шло непрерывно. Восстановилась отраженная речь - говорил Ильич своим обычным голосом, с обычными интонациями, все лучше шло чтение вслух, были большие успехи в

8.-

письме, создавался солидный фундамент для самостоятельной речи.

Проф. Дельдберг считал, что к лету В.И. будет говорить.

Если В.И. чемнибудь расстраивался, он начинал заниматься, и это успокаивало его.

Занятия давали ему уверенность в выздоровлении. Радовался он и возможности самостоятельно ходить, спускаться и подниматься по лестнице без чужой поддержки. Пугали только время от времени начавшие позторяться припадки дурноты. Хоть и были они мимолетны, но каждый раз охватывал ужас нового ухудшения.

Начав заниматься, Вл. Ильич скоро установил, что про себя он может читать. И тогда (это было 10-го августа) он настоял, чтобы ему давали газету. Газету он читал ежедневно, вплоть до дня смерти, сначала "Правду", а потом просматривал и "Известия". Мы очень боялись волнующего влияния газеты, но отнять у Ильича газету, лишить его этой связи с миром было невыносимо. Установился такой порядок: после того, как В.И. сам просматривал газету, я прочитывала ему телеграммы, передовицу, статьи по его указанию. Сам он очень быстро ориентировался в газете, что прямо поражало докторов, и не позволял пропускать ничего существенного. Раз я пропустила про покушение на дочь тов. Раппорта и была в этом уличена. Мы не торопились рассказывать о смерти Воробского, но незадолго до начала процесса В.И. разыскал в газете упоминание об убийстве и спросил, в чем дело. С громадным вниманием и напряжением вслушал он сообщение об убийстве и потом все время внимательно следил за процессом. В связи с чтением газеты В.И. постоянно спрашивал меня то о том, то о другом товарище, посылал - если я не знала сама - справиться по телефону.

Спрашивал также о Потресове, об Аксельроде, о Станиславе Вольском, о Богданове. В связи с Аксельродом спросил о Мартове. Я сделала вид, что не поняла. На другой день он спустился вниз в библиотеку, в эмигрантских газетах разыскал сообщение о смерти Мартова и укорительно показал мне. Спрашивал о Горьком и волновался, прочтя известие об его болезни. Он внимательно следил за библиографией, указывая книги, которые надо достать ему, разыскал в объявлениях извещение о выходе в Петрограде "Звезды" с его статьей, раньше нигде не напечатанной. Просил достать вновь вышедшую книжку "о мясниковщине". Статьи он выбирал так, как выбирал бы здоровый. Просил читать ему волюх лишь то, что содержало фактический материал, просил, например, прочесть заметку о финансовых реформах Гильфердинга, статью о гарантийном банке, статью Ларина о калькуляции Госиздата, сообщения о Германии, Англии в особенности. Агитационные статьи перечитывать не просил. Очень я боялась партдискуссии. Но Вл. Ильич захотел ознакомиться лишь с основными документами и только, когда началась партконференция, просил читать отчет весь подряд. Когда в субботу В.И. стал, видимо, волноваться, я сказала ему, что революции приняты единогласно. Суббота и воскресенье ушли у нас на чтение резолюций. Слушал В.И. очень внимательно, задавая иногда вопросы. Газета облегчала отгадывание вопросов Вл. Ильича. Отгадывать было возможно потому, что когда жизнь прожита вместе, знаешь, что какие ассоциации у человека вызывает. Говоришь, например, о Калмыковой и знаешь, что вопросительная интонация слова, "что" после этого означает вопрос о Потресове, об его теперешней политической позиции.

Так сложилась у нас своеобразная возможность разговаривать.

Кроме газет, читали и книжки. Нам присылали все вновь выходящие книжки. Вл. Ильич просматривая приходящие пачки и отбирая те книги, которые его интересовали - о>Note, о финансах, сочинения Воровского, Троцкого, литературу, связанную с партдискуссией, "под знаменем марксизма", новую хрестоматию: Красный Сказ, Хрестоматию Классовой борьбы, Коваленского "сегодня и завтра", Замысловской "За сто лет", атласы, справочники.

Он любил, чтобы вечером читать ему что-нибудь вслух: читали усиленно Демьяна Бедного, стихи из сборника революционных стихотворений, Баранже. Читали несколько вечеров подряд "Мои университеты" Горького - сначала В.И. просил прочесть о Короленко, потом читали и другие статьи, помещенные в этой книжке. Отложил В.И. себе рассказ Джек Лондона, попробовали читать, но сразу наткнулись на подкрашенный такой махровой буржуазной моралью рассказ, что В.И. только засмехался и рукой махнул.

Читал и сам, мне казалось, что ко многому он стал подходить как-то по другому, точно он смотрит издали и подводит какие-то итоги, прочтет, перечтет еще раз и задумается. Тов. Хаймо из Коминтерна передал В.И. стенной календарь, изданный Коминтерном. В.И. подолгу рассматривал этот календарь. Смотрел также дружеские шаржи Дени и всякие иллюстрации, которые добывала ему Мария Ильинишна.

Со свиданиями дело налаживалось плохо - раньше всего он случайно встретился с Евг.Алексеевичем Преображенским, очень обрадовался, но на вопрос, доволен ли он, покачал головой. Виделся с Е.А. еще раз, потом два раза с Ив.Ивановичем Сквор-

↓

↓

↓

цовым, с Пятницким, с Воронским, с Шумкиным, Панковым (крестьянином, ставящим в Горках хозяйство), с Богородскими рабочими, с Крестинским. Каждое свидание волновало В.И. это было видно по тому, как он двигал после свидания стул, как судорожно придвигал к себе доску и брался за мел. На вопрос, не хочет-ли он повидать Бухарина, который раньше чаще других бывал у нас или еще кого-нибудь из товарищей, близко связанных по работе, он отрицательно качал головой, знал, что это будет непомерно тяжело. Но он очень охотно слушал рассказы о них. После каждой поездки в город надо было рассказать, что делала и кого видела. Каждый раз - я ездил в Москву, редко, обычно раз в неделю после обеда - В.И. давал поручения. В начале октября В.И. раз собрался со мной ехать в город. Тогда врачи боялись, как бы он не захотел там остаться и потому мы всячески отговаривали его от поездки, но в один прекрасный день он отправился в гараж, сел в машину и настоял, чтобы ехать в Москву. Там он обошел все комнаты, зашел к себе в кабинет, заглянул в Совнарком, потом захотел поехать по городу - ездил мимо сел.хов.выставки. Разобрал свои тетрадки, отобрал три тома Гегеля, взял их с собой... На другой день стал торопить ехать обратно в Горки. Больше разговоров о Москве не было.

В автомобиле в сентябре и октябре ездили много. В.И. любил лес, простор и охотно ездил на прогулки, указывая, куда надо ехать. Местность он хорошо знал. Зимой в солнечные дни тоже ездили в лес, товарищи брали с собой ружья, раза два брали с собой собак. Видели несколько раз лису, зайчишку. В.И. любил эти поездки, но нас с Марьей Ильинишной не брал с собой. Еще в субботу ездил он в лес, но видимо, устал и когда после обеда мы сидели с ним

на балконе, он утомленно закрывал глаза, был очень бледен и все засыпал, сидя в кресла. Последние месяцы он не спал совершенно днем и даже старался сидеть не в кресле, а на стуле.

Вообще, начиная так с четверга, стало чувствоваться, что что-то надвигается: вид стал у В.И. ужасно усталый и измученный. Он часто закрывал глаза, как-то побледнел, а, главное у него как-то изменилось выражение лица, стал какой-то другой взгляд, точно слепой. Но на вопрос, не болит-ли что, отвечал отрицательно. В субботу 19-го вечером он стал объяснять Николаю Семеновичу, что видит плохо. Николай Семенович посмотрел его глаза, сказал ему, что у него конъюнктивит, надо промыть глаза борной, очистить желудок и завести темные очки. В воскресенье пригласили профессора Авербаха. В.И. встретил его очень ласково, охотно отвечал на все вопросы, немного успокоился.

В понедельник пришел конец. В.И. утром еще вставал два раза, но тотчас ложился опять. Часов в 11 попил черного кофе и опять заснул. Время у меня спуталось как-то. Когда он проснулся вновь, он уже не мог совсем говорить, дали ему бульон и опять кофе, он пил с жадностью, потом успокоился немного, но вскоре заклокотало у него в груди. Все больше и больше клокотало у него в груди. Бессознательнее становился взгляд, Владимир Александрович и Петр Петрович держали его почти на весу на руках, временно он глухо стонал, судорога пробегала по телу, я держала его сначала за горячую мокрую руку, потом только смотрела, как кровью окрасился платок, как печать смерти ложилась на мертвенно побледневшее лицо. Проф. Ферстер и д-р Елистратов варьскивали камфару, старались поддерживать искусственное дыхание, ничего не вышло, спасти нельзя было.

Н. Крупская.

Сверлено: А. Раманов
(Перепечатано как с подлиннике)